

СТАРЕЦЪ ІОВЪ, ВЪ СХИМЪ ІОСИФЪ,

ІЕРОМОНАХЪ НИКОЛО-УГРѢШСКАГО МОНАСТЫРЯ, МОСКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Изъ воспоминаній іеромонаха Пимена.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДУХОВНЫМЪ ЧАДАМЪ БЛАЖЕННАГО СТАРЦА.

Возносяйся смирится: смирѣяй же себе—вознесетъся. (Лук. 18. 14).

Августа 31-го 1882 года отошелъ въ вѣчность на 77-мъ году отъ рожденія блаженный памяти старецъ Іовъ, іеромонахъ Никола-Угрѣшскаго общежительнаго монастыря, весьма многимъ изъ московскихъ жителей извѣстный и всѣми знавшими его глубоко чтимый и искренно уважаемый.

Подобно всѣмъ людямъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, про которыхъ одни отзываются съ неумѣренною похвалою, превознося ихъ до небесъ, а другіе съ недовѣріемъ или завистью, стараясь насколько возможно ихъ принизить, не избѣжалъ и отецъ Іовъ двухъ совершенно противоположныхъ о себѣ сужденій.

По мнѣнію однихъ, конечно людей недоброжелательныхъ, видящихъ во всемъ только дурную сторону, онъ былъ не болѣе, какъ пустосвятъ, старавшійся прослыть прозорливцемъ, или челоуѣкъ, одержимый прелестью духовною и въ самообольщеніи почитавшій себя прозорливцемъ; но по мнѣнію другихъ, людей менѣе пристрастныхъ и лучше понимавшихъ его, онъ былъ старецъ опытный въ духовной жизни,

достойный всякаго уваженія за его подвижническую жизнь; вслѣдствіе чего онъ-де и дѣйствительно стяжалъ благодатный даръ предузнавать будущее, прозорливо уразумѣвать помышленія и внутреннее настроеніе каждаго человѣка, къ нему приходившаго, и согласно съ этимъ давать добрыя совѣты и наставленія.

Что старецъ Іовъ былъ человѣкъ дѣйствительно благочестивый и опытный въ духовной жизни, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но въ какой степени обладалъ онъ даромъ прозорливости, опредѣлить весьма трудно: и мы не беремъ на себя ни подтверждать сего, ни отрицать, и лично знавши его въ продолженіе тринадцати лѣтъ (1867—1880), находившись въ одномъ съ нимъ монастырѣ, мы ограничимся простымъ разсказомъ того, что намъ, какъ очевидцу, извѣстно было, и сообщимъ предварительно тѣ краткія свѣдѣнія о его семействѣ и первоначальной его жизни, которыя получены нами отъ лица, вполне вѣроятія достойнаго *).

I.

Отецъ Іовъ, нареченный въ святомъ крещеніи Іосифомъ, родился въ 1805 году въ городѣ Борисоглѣбскѣ, нынѣшней Тамбовской губерніи, но въ то время числился онъ еще въ Воронежской. Родитель Іосифа—Петръ Яковлевичъ Серебряниковъ и родительница—Дарья Іоакимовна были мѣщанскаго сословія; мужъ уроженецъ Московской губерніи, а жена родомъ изъ Касимова; жительствоваали же они въ Воронежской губерніи, въ городѣ Борисоглѣбскѣ и въ Новохоперской крѣпости.

Петръ Яковлевичъ занимался подрядами по строительной части, былъ строителемъ водяныхъ мельницъ, и буду-

*) Приносимъ глубочайшую нашу благодарность достопочтеннѣйшему настоятелю Троицко-Ахтырскаго монастыря (Харьковской епархіи), о. игумену Леоптію, младшему брату Іова, который по просьбѣ нашей обязательно сообщилъ намъ неизвѣстныя намъ доселѣ подробности о своемъ семействѣ и о первыхъ годахъ дѣтства и юности въ Возѣ почиваемаго старца Іова, въ схимѣ Іосифа.

чи отъ природы человѣкомъ сметливымъ и умнымъ, самоучкой сдѣлался искуснымъ механикомъ, и такъ какъ зарабатывалъ не малыя деньги, то могъ бы имѣть весьма хорошія средства, ежели бы, къ несчастію, не имѣлъ пагубной слабости невоздержанія, которая поглощала все, что онъ получалъ,—онъ пилъ запоемъ, и потому доходило до того, что пропивалъ все, что имѣлъ, и оставался почти безъ одежды. Жена его и все семейство были не только въ нуждѣ, но въ крайней нищетѣ. Дарья Іоакимовна часто его усовѣщевала; онъ раскаявался, обѣщался исправиться и нѣкоторое время крѣпился, но потомъ опять вдругъ запивалъ и семейство его опять бѣдствовало, не имѣя хлѣба насущнаго. Постоянныя увѣщанія его жены ему наконецъ надоѣли, и онъ замыслилъ бѣжать и куда-нибудь скрыться, бросивъ семью свою на произволъ судьбы; а такъ какъ видъ его хранился не у него, но у жены,—онъ у нея взявъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣй требуетъ хозяинъ дома, въ которомъ они жили, и послѣ того безъ вѣсти пропалъ *). Это было въ 1813 или 1815 году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Несчастливая покинутая жена, 30 лѣтъ отъ рода, осталась безъ всякихъ средствъ съ четырьмя малолѣтними дѣтьми: двумя дочерьми и двумя сыновьями. Было и еще пятеро дѣтей, но они умерли въ младенчествѣ. Старшей дочери Елисаветѣ было 13 лѣтъ, младшей Евгеніи 11 лѣтъ, сыну Іосифу 8 лѣтъ, Лукѣ только 8 мѣсяцевъ.

Первое время бѣдная женщина все еще ожидала мужа, и хотя терпѣла великую нужду, не трогалась съ мѣста; но когда стала приближаться осень и наконецъ наступилъ

*) Въ то время, когда отецъ Іовъ находился уже въ Николо-Угрѣнскомъ монастырѣ, прослышалъ онъ, что будто-бы родитель его въ числѣ иноковъ Московскаго Данилова монастыря. Онъ туда ѣздилъ, желая розыскать его, но его старанія остались тщетны: онъ найти его не могъ. Справедливо ли было это, и подъ какимъ именемъ и гдѣ былъ ностриженъ его родитель и гдѣ когда онъ умеръ — осталось тайною для его семейства, которое послѣ того какъ онъ скрылся, о немъ уже болѣе не слыхало.

октябрь мѣсяцъ, и пужда и бѣдственное положеніе безпомощной семьи становились еще ощутительнѣе,—она рѣшилась оставить городъ, гдѣ столько горя выпало на ея долю, и поспѣшила отправиться къ себѣ на родину въ Касимовъ. Тамъ родной братъ ея Алексѣй Іоакимовичъ призрѣлъ свою несчастную сестру и безмездно далъ ей пристанище въ своемъ домѣ.

Между тѣмъ Іосифъ подросталъ и когда ему минуло 10 лѣтъ, его отдали въ ученіе въ канатно-веревочное придильное заведеніе, гдѣ онъ получалъ по 80 коп. въ мѣсяцъ жалованья и провелъ тамъ два года. Будучи 12 лѣтъ, онъ былъ отданъ въ кузнечное заведеніе, гдѣ получалъ жалованья уже не 80 коп., по 1 р. 20 коп. въ мѣсяцъ, и въ этомъ ремеслѣ онъ провелъ только одинъ годъ, по прошествіи котораго поступилъ въ питейное заведеніе въ качествѣ подносчика съ жалованьемъ 1 р. 40 коп. въ мѣсяцъ. Младшая изъ сестеръ Іосифа—Евгенія, имѣя только 16 лѣтъ отъ роду, вышла между тѣмъ замужъ за уроженца города Шуи, Владимірской губерніи, у котораго было свое собственное питейное заведеніе, и отправляясь туда изъ Касимова, сестра Іосифа и ея мужъ заблагоразсудили взять и его съ собой, считая для себя выгоднѣе и вѣрнѣе имѣть въ своемъ заведеніи подносчикомъ не посторонняго человѣка, а своего кровнаго, ближайшаго родственника.

Іосифъ былъ мальчикъ кроткій, старательный и трезвый и любилъ музыку. Наслушавшись, какъ другіе посѣтители играютъ на балалайкѣ, пожелалъ и онъ выучиться сему искусству, и добывъ себѣ гдѣ-то балалайку, сталъ упражняться въ игрѣ на ней. И вотъ однажды, когда сидя на порогѣ кабака съ балалайкой въ рукахъ, онъ что-то наигрывалъ,—въ это время мимо него проходила его сестра и слыша, что онъ плохо играетъ, сказала ему: «Ну что ты все только брянчишь, когда играть не умѣешь». Это замѣчаніе сестры показалось ему столь обиднымъ, что онъ съ досады тутъ же хватилъ балалайкой о порогъ, она разлетѣлась въ дребезги, и съ тѣхъ поръ онъ уже никогда

болѣе не бралъ въ руки ничьей балалайки, точно будто чувствуя отвращеніе къ тому, что прежде его такъ услаждало.

Въ скоромъ послѣ того времени онъ возвратился изъ Шуи въ Касимовъ и поступилъ опять въ питейное заведеніе къ Чумину на жалованье 1 р. 70 коп. въ мѣсяцъ, а потомъ получалъ уже и по 2 руб. ассигн. и такъ достигъ 16-ти-лѣтняго возраста.

Между тѣмъ Дарья Іоакимовна, живя въ домѣ у брата своего, имѣла человѣкъ двадцать жильцовъ, учениковъ духовнаго училища, на которыхъ, съ помощью дочерей и младшаго сына своего Луки, стряпала, пекла хлѣбы, варила квасъ и стирала бѣлье и пользуясь жалованьемъ старшаго сына своего Іосифа, весьма незначительнымъ, кое-какъ пробивалась и не терпѣла слишкомъ большой нужды; а когда обѣ дочери были уже замужемъ *), то она продолжала трудиться одна.

Въ 1820-хъ годахъ образовалась *новая откупная система*. *Якуничиковъ* и *Горбовъ* взяли на откупъ городъ *Ливны*, Орловской губерніи, и *Горбовъ* (Іоакимъ Васильевичъ), отправляясь туда на жительство изъ Касимова, взялъ съ собой Іосифа, которому было уже около 19 лѣтъ. Тамъ въ продолженіе перваго года по своему пріѣздѣ, Іосифъ находился въ питейномъ заведеніи подносчикомъ, а на слѣдующій годъ *Горбовъ*, видя, что онъ юноша добропорядочный, сдѣлалъ его сидѣльцемъ, въ родѣ самостоятельнаго хозяина, подъ своимъ непосредственнымъ надѣніемъ.

Лука продолжалъ жить съ матерью въ Касимовѣ и поступилъ въ приготовительный классъ народнаго училища, 7-ми лѣтъ отъ роду; чрезъ годъ былъ переведенъ въ слѣдующій первый классъ, въ которомъ преподавались грамматика, начальная ариѳметика и чистописаніе. Но не дол-

*) Старшая—Елисавета была въ замужствѣ за касимовскимъ купеческимъ сыномъ Мих. Иван. *Рязяковымъ*, † въ 1879 г. на 85 году, а младшая—Евгенія за купцомъ Матвѣемъ Николаевичемъ *Миловановымъ*; жива и понынѣ (1884 г.).

го суждено было старательному и прилежному отроку сидѣть на училищной скамьѣ: не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ онъ перешелъ въ высшій классъ. отъ великаго пожара выгорѣла большая часть Касимова—болѣе 360 дворовъ. Домъ Алексѣя Іоакимовича, въ которомъ жила его сестра, по милости Божіей уцѣлѣлъ отъ огня, но Дарья Іоакимовна въ скоромъ времени собралась на жительство въ Ливны къ старшему своему сыну и увезла съ собой и Луку, къ великому его прискорбію, такъ какъ ему пришлось оставить училище, гдѣ по своимъ способностямъ и успѣхамъ онъ считался однимъ изъ первыхъ. Пріѣхавши въ Ливны, мать Іосифа наняла квартиру, на которой жила одна, отдавши меньшаго своего сына къ старшему на жительство и въ помощь, чтобы быть подносчикомъ.

II.

Іосифу было уже далеко за двадцать лѣтъ и несмотря на то, что онъ былъ содержателемъ питейнаго заведенія, онъ велъ жизнь весьма скромную, характеръ имѣлъ тихій и не раздражительный и строго воздерживался отъ худыхъ бранныхъ словъ, столь свойственныхъ и обычныхъ людямъ той среды, въ которой находился, за что посѣтителіе его заведенія любили его; а такъ какъ онъ, когда въ шутку, а когда и въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ-нибудь раздосадованный, вмѣсто ругательства имѣлъ обыкновеніе говорить: *молчи, ты, каша тебѣ въ ротъ*, то его прозвали *кашей*. Это прозваніе такъ ему присвоили, что послѣ иначе его уже и не называли, и собиравшіеся идти къ нему покутить говаривали между собой: «А что, братцы, не сходить ли намъ къ *кашкѣ* выпить? опъ парень добрый и никогда никого не обмѣриваетъ и не плутуетъ».

Своимъ ласковымъ обхожденіемъ и добросовѣстностью онъ приобрѣлъ всеобщее расположеніе, и заведеніе его преимущественно предъ прочими было охотнѣе посѣщаемо. Замѣчательно еще и то, что Іосифъ никогда не говорилъ

неправды, а потому и не нужно ему было прибѣгать къ божбѣ или клятвамъ, ибо, говоря истину, не предполагалъ, чтобы ему могли не повѣрить, зная самъ, что не лукавитъ и не обманывается.

Въ числѣ посѣщавшихъ Іосифа бывали очень не рѣдко причетники Георгіевской соборной церкви. Они конечно не съ душеспасительною цѣлью приходили въ его заведеніе; но Господь, вся премудро строяй и всѣмъ полезное подаваяй, предуготовлялъ уже для своего служенія сосудъ избранный, дотолѣ въ безчестіи находившійся, и охранялъ отъ зла и пагубы вѣрнаго своего раба и будущаго ревностнаго служителя. Іосифъ сближался съ причетниками и просилъ ихъ, чтобы они поучили его исполнять церковное пѣніе и читать слѣдованную псалтирь, за что, конечно, онъ ихъ угощалъ и еще болѣе располагалъ въ свою пользу. Когда онъ нѣсколько попривыкъ пѣть по обиходу и читать псалтирь, онъ сталъ просить, чтобы ему дозволили становиться съ ними на клиросъ и читать то, что онъ можетъ. Зная, что подобное дозволеніе доставитъ имъ обильное угощеніе, они охотно допускали, а иногда и сами предлагали ему участвовать въ богослуженіи и ежели сами имѣли въ виду угожденіе своему чреву, то совершенно того не сознавая, служили къ пользѣ душевной благочестиваго юноши, тяготившагося мірскою суетой. Іосифъ имѣлъ голосъ пріятный, не очень густой, но звучный теноръ-басъ. Не довольствуясь тѣмъ, что учителя церковнаго чтенія и пѣнія посѣщали его, онъ и самъ сталъ ходить къ нимъ сперва изрѣдка, а потомъ и ежедневно; по такъ какъ въ продолженіе дня ему невозможно было отлучаться отъ своего дѣла, то онъ уходилъ обыкновенно вечеромъ послѣ 8 часовъ, когда, по окончаніи продажи, онъ могъ запереть двери своего заведенія и отлучиться безпрепятственно, и возвращался довольно поздно, часовъ въ 11, иногда и послѣ полуночи. Уходя, онъ оставлялъ меньшаго своего брата Луку дома за крѣпкими запорами, чтобы въ его отсутствіе не явились непрошенные посѣтители. Эта необходи-

мая предосторожность не успокаивала оставленнаго дома мальчика, ему жутко и боязно было оставаться совершенно одному въ пустомъ домѣ, хотя и на-крѣпко запертомъ, и онъ не разъ говорилъ Іосифу: «Что это, братецъ, ты уходишь ночью, а меня одного оставляешь; я, право, боюсь оставаться совсѣмъ одинъ». Лука часто повторялъ это старшему своему брату, и ему этимъ наконецъ надоѣлъ, такъ что тотъ, однажды по своему возвращеніи, за подобные упреки сдѣлалъ строгій выговоръ, и въ добавокъ порядкомъ потаскалъ за волосы: «чтобы лучше помнилъ и впередъ не боялся». Конечно, послѣ подобнаго внушенія, Лука никогда уже не заикался брату о его ежедневныхъ вечернихъ отлучкахъ. Излечился ли онъ или нѣтъ отъ своей страшливости, неизвѣстно, только онъ Іосифу уже болѣе не докучалъ своими постоянными упреками. Видя, что Лука молчитъ и не смѣетъ ему сказать, что боится оставаться одинъ, а можетъ быть и упрекая себя и жалѣя, что онъ безвинно выбранилъ бѣднаго мальчика и потаскалъ его за вихры, Іосифъ, уходя однажды изъ дома, сталъ ему говорить для успокоенія: «ты, братъ, ничего не бойся; ты, глушенькій, не понимаешь и не знаешь, кому я и тебя и весь свой домъ, когда ухожу, препоручаю! Я твердо вѣрю въ Него, и надѣюсь, что Онъ сохранитъ все, и тебя и домъ. Вѣрь мнѣ, что при такомъ сторожѣ бояться нечего».

Въ концѣ 1820-хъ годовъ Іосифъ познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, торговавшимъ въ Ливнахъ краснымъ товаромъ, съ Алексѣемъ Яковлевичемъ Митрофановымъ. Онъ былъ купеческій сынъ, жившій со своею матерью, младшимъ братомъ и четырьмя сестрами, и такъ какъ былъ старшій въ семействѣ, оставшемся по смерти его отца на его попеченіи, то онъ подъ руководствомъ своей вдовствующей родительницы и завѣдывалъ торговлей. Но не лежало его сердце къ многоятежному міру и съ 16 лѣтъ началъ онъ помышлять о вступленіи въ монастырь, и чувствуя, что въ

его положеніи нельзя оставить мать и семейство, онъ сильно страдалъ и томился душой, пока въ 1832 году не удалось ему сбросить съ себя угнетавшія его узы. Іосифъ также былъ непристрасенъ къ мірской жизни и можетъ еще болѣе томился, чувствуя, въ какую неблагопріятную среду былъ онъ заброшенъ судьбой. Можетъ быть это одинаковос настроеніе душевное, сходственность положеній и стремленій къ одной и тойже цѣли, сближали молодыхъ людей. Отпрашивался въ монастырь у своей матери Матроны Егоровны молодой Алексѣй Митрофановъ и она его не отпускала и слышать не хотѣла, чтобы онъ когда-либо былъ монахомъ; просился въ монастырь и Іосифъ у своей родительницы, и она тоже не соглашалась на разлуку съ нимъ, пока меньшей ея сынъ Лука не подрастетъ.

Намѣреваясь, при первой возможности, оставить свое занятіе по питейной части и желая заблаговременно лучше пристроить своего брата къ мѣсту, онъ сталъ упрашивать Алексѣя Яковлевича Митрофанова, чтобы онъ уговорилъ свою матушку принять мальчика въ ихъ лавку. Митрофановъ зная, что Лука находился у брата своего подносчикомъ, долгое время отговаривался, не рѣшаясь даже и сказать о немъ своей матери; но убѣжденный наконецъ, онъ сталъ просить о немъ свою мать, которая и готова была уже принять его въ лавку, пока не услыхала, что мальчикъ жилъ уже и служилъ въ кабацѣ. «Ни за что въ свѣтъ не приму къ себѣ изъ такого мѣста, съ жаромъ говорила Матрона Егоровна своему сыну, — и пожалуйста, Алеша, ты мнѣ про него и не поминай; не приму, не приму, ни за что не приму, сказала, что не соглашусь и не приму». Трудно было послѣ такого рѣшительнаго отказа и добиваться; однако Іосифъ неотступно просилъ Алексѣя Яковлевича, и тотъ, Богъ вѣсть, какъ уладилъ дѣло, сумѣлъ уговорить свою мать и та, послѣ неоднократно повторяемыхъ увѣреній, что мальчикъ не только неиспорченной нравственности, но даже рѣдко-хорошаго поведенія, почти

нехотя, наконецъ рѣшилась принять его въ свою лавку въ качествѣ *мальчика*, срокомъ на пять лѣтъ, съ ежегодною платой ему по сто руб. ассигн. жалованья и съ единовременною наградой ста рублей по истеченіи пяти лѣтъ, ежели въ теченіе оныхъ онъ проживетъ безукоризненно. Пристроивъ брата, Іосифъ вздохнулъ свободнѣе и покупивъ службу въ питейномъ заведеніи, рѣшился хлопотать о своемъ увольненіи, которое слѣдовало ему выправить изъ Москвы, гдѣ былъ приписанъ къ мѣщанскому обществу. Имѣя небольшія деньги, накопленные имъ при большой бережливости во время его нахождения въ питейномъ заведеніи, онъ не хотѣлъ ихъ всѣ разомъ издержать, помня пословицу: «береги трудовую денежку на черный день», и поэтому сталъ просить Митрофанова дать ему впередъ 300 р. ассигн. за три года братняго служенія, которыя и получилъ. Выправивъ себѣ временный паспортъ, Іосифъ остался покуда еще въ Ливнахъ и, живя не при должности, ежедневно ходилъ въ церковь читать и пѣть на клиросѣ, въ особенности же по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Въ это время онъ познакомился въ церкви съ однимъ крестьяниномъ изъ подгородной Георгіевской слободы, Леонасіемъ Борисовымъ Золкинымъ, который также часто прихаживалъ въ церковь и пѣвалъ на клиросѣ. Золкинъ сталъ уговаривать Іосифа заняться на его землѣ хлѣбопашествомъ, на что онъ, по своей всегдашней сговорчивости легко согласился и принялся за дѣло; но не будучи въ этомъ нисколько опытенъ, онъ менѣе чѣмъ въ два года, безъ всякой для себя пользы, истратилъ часть своего небольшого капитала, и видя, что ему не везетъ, переѣхалъ за 15 верстъ отъ города, въ село Куночь, гдѣ одинъ изъ мѣстныхъ жителей пригласилъ Іосифа заняться сапожнымъ мастерствомъ. Онъ учился шить сапоги и ѣздилъ въ городъ за покупкой товара; но и въ этомъ дѣлѣ не посчастливилось Іосифу, онъ прожилъ еще до ста рублей и такимъ образомъ истратилъ почти все, что имѣлъ. Видя, что нѣтъ ему удачи въ мірскихъ его предпріятіяхъ, онъ

положилъ въ умѣ своемъ долѣе не пытаться по пустому счастья и скорѣе осуществить свое намѣреніе отправиться въ Москву, выправить тамъ для себя увольненіе отъ общества, возвратиться въ Ливны, и простившись съ своею родительницей и братомъ, не тратя по пустому времени, поступить въ какой-нибудь монастырь въ число братіи, что онъ скоро и привелъ въ исполненіе. Но прежде еще его отпращиванія въ Москву, декабря 5-го 1836 года, его мать, проживавшая въ домѣ Митрофановыхъ съ младшимъ своимъ сыномъ, поболѣвъ нѣкоторое время, скончалась на 52 году отъ рожденія. Смерть матери окончательно побудила его не медлить болѣе и идти въ монастырь.

III.

Увольненіе отъ московскаго мѣщанскаго общества Іосифу было выдано въ 1837 году, когда ему было уже болѣе тридцати лѣтъ отъ рожденія. По возвращеніи своемъ изъ Москвы въ Ливны, онъ началъ снаряжаться въ путь, и хотѣлъ было уже отправиться, но прослышавъ, что въ Ливнахъ набралось челоуѣкъ до пятнадцати молодыхъ людей, намѣревавшихся ѣхать въ Оптину Введенскую Козельскую пустынь, для поступленія туда въ число послушниковъ, онъ сталъ ихъ просить, чтобы они и его взяли съ собой, на его собственномъ содержаніи и съ участіемъ его въ путевыхъ издержкахъ. «Куда намъ возиться съ тобой слѣпымъ, да еще и бывшимъ кабацкимъ цѣловальникомъ,—это пожалуй и намъ изъ-за тебя будетъ отказъ.... Хочешь туда идти, такъ иди, кто тебѣ попрепятствуетъ, мы тебѣ не помѣха; только иди или поѣзжай самъ по себѣ, особнякомъ, а не съ нами, мы съ тобой нянчиться со слѣпцомъ не станемъ». Такъ они взяли его съ собой не захотѣли, и отправились впередъ, а онъ остался въ Ливнахъ и отправился почти въ слѣдъ за ними самъ по себѣ, нисколько не огорчившись ихъ отказомъ и не обидѣвшись, что они его называли слѣпцомъ, потому что онъ и дѣй-

ствительно былъ плохъ глазами и худо видѣлъ. Глазами онъ страдалъ съ малолѣтства, вслѣдствіе неосторожности: ему было не болѣе шести-семи лѣтъ, когда онъ однажды на пыльной или песчаной дорогѣ игралъ со своими сверстниками; вдругъ поднялся сильный вихрь и песокъ съ пылью поднялся столбомъ; всѣ мальчики попадали лицомъ внизъ или прикрылись руками, а Іосифъ не успѣлъ этого сдѣлать и ему сильно запорошило глаза, которые стали у него съ тѣхъ поръ болѣть и слезиться, отчего волосы рѣсницъ не только огрубѣли, но и внутрь начали расти, такъ что послѣ того ему приходилось, по совѣту врачей, щипчиками выщипывать эти, внутри растущіе, волосы, что причиняло ему жестокую боль, производило частыя воспаленія глазъ, отъ тренія образовались бѣльма, превратившіяся наконецъ въ наросты. Это болѣзненное состояніе его глазъ и было причиной того, что его называли слѣпцомъ, ибо онъ дѣйствительно всегда очень худо видѣлъ, а въ послѣдніе годы своей жизни писалъ съ великимъ трудомъ и читалъ только самую крупную печать и то не безъ усилій и затрудненія.

Оставшись одинъ, онъ благодушно подчинился необходимости путешествовать безъ спутниковъ, и тотчасъ припомнилъ извѣстные стихи изъ 9-го псалма: «Сіи на колесницахъ и сіи на конѣхъ; мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ. Тѣи спяти быша и падоша, мы же востаномъ и исправимся» (ст. 8 и 9). И запѣвши свой любимый irmosъ 7-го гласа: «Ночь не свѣтла невѣрнымъ, Христе, вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ: сего ради къ Тебѣ утренюю и воспѣваю Твое Божество»,—онъ на слѣдующій день также отправился въ Оптину пустынь, куда прибылъ въ одинъ день съ тѣми 15-ю молодыми людьми изъ Ливенъ, которые не пожелали взять его съ собой, и которые почему-то замедлили на пути. Видя, что Іосифъ тоже прибылъ и почти въ одно время съ ними, они поспѣшили явиться къ настоятелю, надѣясь хотя нѣсколькими часами предупредить его;

они были увѣрены, что въ монастырь его не примутъ, и этого желалъ. Настоятелемъ Оптиной пустыни былъ въ то время игуменъ *Моисей*, по фамиліи *Путиловъ*, называвшійся въ міру *Тимоѳей* *), постриженный въ 1822 году бывшимъ

*) Не излишнимъ почитаемъ въ дополненіе къ нашему разсказу о старцѣ Іовѣ присовокупить нѣкоторыя подробности и объ Оптиной пустыни, можетъ быть любопытныя для читателей, не вполне знакомыхъ съ сею пустынью, почитающеюся въ настоящее время одною изъ наиболѣе благоустроенныхъ въ средней полосѣ Россіи. *Оптинъ пустынь* была основана, какъ полагаютъ, въ XV вѣкѣ, но кѣмъ и на какомъ случаю, совершенно неизвѣстно. При самозванцахъ ее разорили, и послѣ того возобновленная, въ 1717 г. упразднена; при Екатеринѣ I-й снова возстановлена и въ продолженіе болѣе полувѣка она еле-еле существовала, пока блаженныя памяти архіепископъ московскій и калужскій преосвященный Платонъ, любившій возстановлять монастыри, не обратилъ на нее вниманія. Онъ послалъ туда настоятеля, избраннаго изъ числа братіи Николо-Пѣшношской пустыни, по указанію архимандрита Макарія, которому, какъ опытному авѣ, поручено было имѣть наблюденіе за состояніемъ обители, и съ тѣхъ поръ, мало-по-малу поправляясь и улучшаясь, она пришла въ то цвѣтущее положеніе, въ которомъ находится теперь. Преосвященный Филаретъ епископъ калужскій (1819—1825), глубоко проникнутый духомъ монашества, любилъ посѣщать эту пустынь, гащивалъ въ ней и пожелалъ устроить при ней скитъ въ 1820 или 1821 году. За нѣсколько времени до этого (приблизительно послѣ 1800 года) появились въ смоленской епархіи, въ 40 верстахъ отъ Рославля, пустынножители, обитавшіе отдѣльными келліями въ рославльскихъ лѣсахъ, въ помѣстьи г-на Броневскаго. То были: Варнава, Никита, Іаковъ, Василискъ, Зосима и иные; а когда они отходили ко Господу, на ихъ мѣста приходили новые подвижники, и въ числѣ сихъ были: іеросхимонахъ Аѳанасій, Дороеей, Досиѳей, Тимоѳей и братъ его Александръ. Эти подвижники были извѣстны по своей строгой жизни, и одинъ изъ подвижниковъ Оптиной пустыни—о. Теофанъ († 1818) не рѣдко хаживалъ къ нимъ и у нихъ гащивалъ; нѣкоторые изъ нихъ посѣщали и Оптину пустынь. Такъ въ 1820 г. пришелъ въ Оптину пустынь Тимоѳей; онъ былъ представленъ преосвященному Филарету, который, намѣреваясь устроить скитъ, предложилъ ему и его товарищамъ переселиться въ Оптину пустынь и заняться устроеніемъ скита. Вслѣдствіе этого въ 1821 г. прибыли туда на жительство Тимоѳей и братъ его Александръ Путиловы, Иларій и Савватій. Въ 1822 году преосв. Филаретъ самъ мо-

въ то время епископомъ калужскимъ, преосвященнымъ Филаретомъ (Амфитеатровымъ), бывшимъ въ послѣдствіи времени въ Рязани (1825—1828); въ Казани (1828—1836); въ Ярославлѣ (1836—1837) и наконецъ митрополитомъ кіевскимъ (1837—1857).

Всѣ молодые Ливенцы были приняты отцомъ игуменомъ Моисеемъ. На слѣдующій день явился къ нему Іосифъ и былъ также принятъ. Въ какое время года пришелъ онъ въ Оптину пустынь, намъ неизвѣстно; но изъ формуляра его видно, что онъ былъ приукаженъ 11 ноября 1837 года. Въ это время находились въ пустыни четыре великіе старца: игуменъ *Моисей*, начальникъ скита *Антоній*, знаменитые старцы *Леонидъ* *) и *Макарій* **), письма котораго

стригъ Тимофея, назвавъ его Моисеемъ, а брата его Александра, — Антоніемъ. По смерти игумена Данила, Моисей былъ настоятелемъ въ Оптиной пустыни съ 1825 по 1862 г., въ которомъ и преставился; и при немъ-то и процвѣла его обитель; а о. Антоній, первоначальникъ Оптинскаго скита, съ 1839—1853 былъ настоятелемъ Мало-Ярославскаго Черноостровскаго монастыря; потомъ пожелалъ на покой въ Оптинской скитъ, гдѣ и скончался.

*) *Отецъ Леонидъ* былъ урсженецъ гор. Карачева (Орловской губ.), по фамиліи *Наголкинъ*, род. въ 1769 г., полагалъ начало въ Оптиной пустыни, въ которую поступилъ въ 1797 году, потомъ перешелъ въ Ёблобережскую пустынь, гдѣ былъ постриженъ, посвященъ въ іеромонаха и съ 1801 по 1808 г. былъ строителемъ, но по своему глубокому смиренію и по любви къ безмолвію келейной жизни отъ настоятельства отказался. Жительствовалъ нѣкоторое время въ Чолнскомъ монастырѣ (Орл. еп.), гдѣ находился тогда старецъ Теодоръ, ученикъ Памсія Величковскаго; жилъ нѣкоторое время въ уединенной келліи со старцами Теодоромъ и Клеопою, послѣ того не подолгу на Валаамѣ, въ Палеостровской пустыни и въ Александро-Свирскомъ монастырѣ (гдѣ старецъ Теодоръ и скончался), пребывавъ въ Площанской пустыни (Ор. еп.) и переѣхавъ оттуда въ 1829 г. въ Оптину пустынь. Съ тѣхъ поръ въ ней и находился до своей кончины въ 1841 или 1842 годахъ, принявъ схиму съ прежнимъ своимъ именемъ Льва. Онъ былъ посящаемиъ весьма много ради его богомудрыхъ наставленій и прозорливыхъ совѣтовъ; претерпѣвалъ неоднократно не мало скорбей и озлобленій и всегда благодумствовалъ.

**) *Макарій* (Михаилъ) *Ивановъ* изъ дворянъ, обучался въ уѣздномъ училищѣ и непродолжительное время находился въ граждан-

изданы Оптиною пустынью. Подъ ихъ-то общимъ руководствомъ и полагалъ начало Іосифъ, и такъ какъ всегда отличался глубокимъ смиреніемъ и непрекословнымъ послушаніемъ, то и стяжалъ въ скоромъ времени всеобщую любовь, какъ богомудрыхъ старцевъ, такъ и всей братіи.

Какое послушаніе было дано Іосифу при его поступленіи, намъ достовѣрно неизвѣстно; но вскорѣ онъ былъ поставленъ на клиросъ и такъ какъ хорошо зналъ нотное пѣніе, то ему поручено было обучать братію простому обиходному и партесному пѣнію. Въ 1843 году онъ былъ постриженъ въ монашество и наименованъ Іовомъ. Постриженіе его совершилось ноября 27-го дня, въ праздникъ иконы Знаменія Пресвятыя Богородицы. Іовъ находился нѣкоторое время въ самомъ монастырѣ Оптиной пустыни, частію жилъ и въ скитѣ, а всего со дня причисленія къ братству (11 ноября 1837 г.) и до выхода изъ монастыря (въ 1846 г.) онъ паходился здѣсь около 9 лѣтъ. По его желанію въ 1846 г. іюля 12 онъ былъ переведенъ въ Мещовскій Георгіевскій монастырь, гдѣ игуменомъ въ то время былъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ старца Леонида—Никодимъ (Николай) *Демутъ* *), и въ томъ же году сен-

ской службѣ. На 23-мъ году отъ рожденія поступилъ въ Площанскую пустынь, гдѣ былъ постриженъ 1815 году. Онъ находился подъ духовнымъ руководствомъ богомудрыхъ старцевъ: схимонаха Аѳанасія, ученика Пансіа Величковскаго, и строителя Серафима. Когда эти старцы отошли ко Господу, о. Макарій перешелъ въ 1834 г. въ Оптину пустынь и подчинился руководству старца Леонида. Съ 1841 онъ былъ настоятелемъ Оптинскаго скита, въ которомъ и пребывалъ до своей кончины 6 сент. 1860 года, поучая устно и письменно и пазидая примѣромъ своей строгой подвижнической жизни.

*) *Николай Демутъ* былъ родомъ изъ дворянъ и гдѣ-то служилъ; поступивъ въ Оптину пустынь, находился подъ непосредственнымъ руководствомъ старца Леонида, былъ при немъ новаромъ; въ 1842 году августа 15 опредѣленъ настоятелемъ Георгіевскаго Мещовскаго монастыря; въ 1853 году переведенъ оттуда игуменомъ въ Черноостровскій Николаевскій монастырь, въ Малый Ярославецъ; въ 1857 году посвященъ въ архимандрита; въ 1862 году по прошенію уволенъ на покой.

тября посвященъ въ іеродіакона, въ каковомъ званіи и оставался до 1852 года; іюля 13, рукоположенъ во іеромонаха, а въ слѣдующемъ 1853 году сентября 30 утвержденъ братскимъ духовникомъ. Не будучи особенно строгимъ и взыскательнымъ къ своимъ духовнымъ чадамъ, онъ особенно отличался даромъ утѣшать скорбящихъ и успокоивать смущенныхъ духомъ. По этому поводу онъ говаривалъ: «Если приходитъ къ тебѣ равный съ тобой, или младшій, чтобы повѣдать тебѣ свою скорбь душевную, или попросить совѣта, молоти пшеницу цѣпами, пока не отлетятъ всѣ плевелы и останется чистая пшеница, т.-е. до тѣхъ поръ не отпускай отъ себя пришедшаго, пока не утѣшишь его, не успокоишь или не убѣдишь его послѣдовать доброму и полезному для него совѣту». Послѣ своего посвященія во іеромонаха онъ былъ посланъ по сбору вдвоемъ съ однимъ послушникомъ, который на пути захворалъ и умеръ.

IV.

Въ 1855 году отецъ Іовъ, послѣ своего восемнадцатилѣтняго пребыванія въ калужской епархіи, пожелалъ перейти въ московскую, и посѣтивши Николо-Угрѣшскій монастырь, нашелъ оный по своей мысли, и былъ въ него переведенъ сентября 20 дня 1855 года.

Только за два года предъ тѣмъ былъ преобразованъ этотъ монастырь изъ штатнаго въ общежительный игуменомъ Пименомъ. Первоначально находившись послушникомъ въ Новоезерскомъ монастырѣ, а послѣ того побывъ недолгое время въ Оптиной пустыни, отецъ Пименъ имѣлъ особенное пристрастіе къ уставу общежительному и великое расположеніе къ Оптинской братіи, почему и принялъ отца Іова съ распростертыми объятіями; а такъ какъ онъ зналъ, что о. Іовъ былъ предъ тѣмъ братскимъ духовникомъ въ Георгіевскомъ Мещовскомъ монастырѣ, то и онъ въ скоромъ времени предложилъ ему занять ту же должность и на Угрѣшѣ. Выметая понемногу прежній

штатный соръ изъ монастыря и стараясь окружить себя людьми благочестивыми и опытными въ монашествѣ, отецъ Пименъ дорожилъ такими иноками, каковъ былъ отецъ Іовъ, которому въ первое время жилось на Угрѣшѣ весьма легко и хорошо. Казначеемъ былъ тогда іеромонахъ Сергій, человѣкъ весьма хорошій, довольно еще молодой, ибо едва ли имѣлъ и сорокъ лѣтъ, а игумену было почти столько же сколько и о. Іову—пятьдесятъ пять лѣтъ; но къ крайнему сожалѣнію о. Пименъ при неоспоримомъ своемъ далеко недюжинномъ умѣ, при твердой волѣ и при благонамѣренности своей, не всегда былъ свободенъ отъ постороннихъ вліяній людей лукавыхъ, умѣвшихъ повертываться къ нему своею свѣтлою, лицевою стороною и прикрывать или отворачивать изнанку, отчего происходили нерѣдко со стороны о. Пимена странныя ошибки и недоумѣнія, причинявшія скорби многимъ изъ братіи. Это неоднократно испытывалъ на себѣ о. казначей Сергій, искренно преданный о. Пимену и безкорыстно тратившій для обители свое собственное достояніе; сталъ испытывать это же въ послѣдствіи и о. Іовъ, и ежели бы онъ не былъ, какъ несокрушимою броней, весь облеченъ смиреніемъ, едва ли могъ бы онъ вытерпѣть и вынести все то, что выпало на его долю на Угрѣшѣ по милости оглагольниковъ и шепотниковъ, подъ видомъ благочестія устранявшихъ о. Пимена отъ тѣхъ людей, которые имъ казались слишкомъ благонамѣренными и слѣдовательно крайне опасными. Говорю въ общихъ словахъ то, что въ послѣдствіи передамъ въ подробностяхъ, насколько онѣ возможны при жизни людей, могущихъ узнать себя и безъ имени по описываемымъ дѣйствіямъ, чего нисколько не имѣемъ въ виду, ибо пишемъ не сатиру на современные монашескіе нравы, но жизнеописаніе достопочтеннаго и благочестиваго старца отца Іова.

Въ первые годы своего пребыванія на Угрѣшѣ отецъ Іовъ пользовался особымъ расположеніемъ настоятеля игумена Пимена и почетомъ отъ всей братіи, какъ братскій

духовникъ. По своей общительности отецъ Пименъ любилъ собирать у себя въ келліи отъ времени до времени нѣкоторыхъ изъ старшей братіи и бесѣдовать съ ними о монашествѣ и старчествахъ и въ этихъ видахъ онъ довольно часто приглашалъ къ себѣ въ простой будничный день двухъ-трехъ изъ братій наиболѣе словесныхъ и предлагалъ имъ незатѣйливую трапезу безъ всякихъ излишествъ, будучи и самъ умѣренъ и въ высшей степени воздерженъ относительно пищи и питія: къ напиткамъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности, довольствуясь чаемъ или иногда чашкой кофе. По окончаніи обѣда или ужина всѣ переходили въ другую комнату и тутъ начиналась искренняя, душевная бесѣда о монашествѣ, которою о. Пименъ услаждался какъ манной, самою для него сладостною. Весьма естественно, что о. Іовъ, какъ человѣкъ умный, словесный, находчивый и понасмотрѣвшійся на оптинскихъ старцевъ и наслушавшійся ихъ богомудрыхъ назиданій, занималъ не послѣднее мѣсто въ подобномъ обществѣ.

Ознакомившись съ нѣкоторыми почтенными и благочестивыми семействами въ Москвѣ, о. Іовъ иногда самъ ѣздилъ въ городъ, иногда у себя въ монастырѣ принималъ своихъ духовныхъ чадъ и назидалъ ихъ своими простыми, но мудрыми бесѣдами. Къ числу наиболѣе приверженныхъ къ старцу и самыхъ давнихъ по времени съ нимъ знакомства принадлежала благочестивая чета Головиныхъ, постоянно жившихъ въ Москвѣ, къ которымъ мало по малу присоединялись другіе, такъ что наконецъ число посѣщавшихъ о. Іова было столь велико, что въ нѣкоторые дни у его дверей бывала давка и къ нему входили не иначе, какъ по очереди. О. Пименъ, благоволившій къ Іову, не препятствовалъ ему, когда онъ просился бывать въ Москвѣ у своихъ духовныхъ чадъ, и не безъ нѣкотораго даже удовольствія видѣлъ, что въ Угрѣшскомъ монастырѣ живетъ старецъ, котораго посѣщаетъ столько же народу, сколько, бывало, припоминалъ онъ, прихаживало въ Опти-

скомъ скиту къ покойному старцу Леопиду. Нисколько, однако, продолжалось безкорбное пребываніе о. Іова въ Угрѣшскомъ монастырѣ: исконный врагъ всякаго добра, духъ злобы, всѣвающій свои плевелы тамъ, гдѣ сѣяно было доброе сѣмя,—при помощи завистниковъ и недоброжелателей, сталъ незамѣтно посѣвать смуты между настоятелемъ и смиренномудреннымъ старцемъ; для всѣхъ стало замѣтно нѣкоторое охлажденіе въ отношеніяхъ о. Пимена къ о. Іову, онъ не столь часто приглашалъ его къ себѣ, какъ прежде, потомъ и вовсе пересталъ его звать, началъ отказывать ему въ поѣздкахъ въ Москву и наконецъ не совсѣмъ одобрительно отзывался о множествѣ лицъ, его посѣщавшихъ, и хотя прямо не запрещалъ ему принимать, но черезъ другихъ доходило до о. Іова, что архимандритъ не совсѣмъ доволенъ, что къ нему много народу ходитъ.

Въ такомъ положеніи находился о. Іовъ, когда въ концѣ 1867 года я поступилъ въ Николо-Угрѣшскій монастырь. До сихъ поръ все написанное мною почерпнуто изъ постороннихъ записокъ и изъ чужихъ разсказовъ. Буду продолжать теперь, какъ очевидецъ, въ теченіе тринадцати лѣтъ жившій съ нимъ въ одномъ монастырѣ.

V.

Поступивъ на Угрѣшу 1-го декабря 1867 года я живя въ скиту, изъ котораго я выходилъ въ монастырь для того только чтобы идти или въ церковь въ праздничные дни къ поздней литургіи, или въ трапезу также въ праздники, когда трапезовалъ съ братіей и самъ архимандритъ, или наконецъ къ архимандриту, когда онъ присылалъ за мной своего келейника,—кромѣ этихъ трехъ мѣстъ я почти нигде не ходилъ, и хотя познакомился почти со всѣми, но ни у кого почти не бывалъ, а объ о. Іовѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія: онъ въ братскую трапезу никогда не ходилъ, а въ церкви становился въ совершенно противо-

положномъ моему мѣстѣ, и потому долгое время прошло прежде чѣмъ я только о немъ услышалъ. Не задолго до моего поступленія на Угрѣшу прежній казначей о. Сергій Свѣшниковъ (родомъ изъ московскаго купечества) выбылъ, будучи назначенъ строителемъ коломенскаго Старо-Голутвина монастыря, а на его мѣсто поступилъ іеромонахъ Ниль, бывший до того времени монастырскимъ экономомъ. Однажды, когда я былъ у о. архимандрита, къ нему пришелъ казначей и держа въ рукѣ распечатанное письмо, говорить архимандриту:

— Вотъ письмо отъ Головиныхъ: просятъ, чтобы вы позволили о. Іову у нихъ побывать.

— Да давно ли же онъ у нихъ былъ, замѣтилъ архимандритъ,—нечего ему такъ часто отлучаться въ городъ; извѣстите, что о. Іовъ не совсѣмъ здоровъ и что ѣхать не можетъ.

И помолчавъ немного, прибавилъ:

— Совсѣмъ не на пользу ему такъ часто отлучаться.

— Кто же, батюшка, этотъ о. Іовъ, котораго вы не отпускаете въ Москву? спросилъ я у архимандрита.

— А это одинъ іеромонахъ, старичекъ, бывший братскій духовникъ, отвѣчалъ мнѣ о. Пименъ.

— Отчего же онъ не духовникъ? спросилъ я.

— По старости лѣтъ и по слабости здоровья,—онъ подслѣповатый.

— Какъ же это я его никогда не видалъ? спросилъ я.

— Очень не мудрено, отвѣчалъ мнѣ архимандритъ,—въ церковь онъ ходитъ не всегда, больше у ранней обѣдни бываетъ, а въ трапезу никогда не ходитъ... Гдѣ же было бы его и видѣть?

Это былъ первый разъ, что я слышалъ о существованіи старца Іова. Нѣсколько дней спустя съ кѣмъ-то изъ нашихъ скитскихъ братій шелъ я черезъ монастырь, направляясь въ рухлядную палату, чтобы тамъ получить что-то нужное. Проходя мимо одного изъ крылецъ, увидѣлъ я, что нѣсколько женщинъ и мужчинъ стоятъ и какъ будто чего-то дожидается.

— Это что же за люди? спросилъ я у моего спутника.

— Должно быть къ о. Іову пришли,—стоятъ, ждутъ, пока имъ будетъ чередъ идти; къ нему довольно ходить...

Это былъ второй разъ, что я слышалъ объ о. Іовѣ, не имѣя еще ни малѣйшаго понятія о его личности.

— Гдѣ же бы мнѣ его увидѣть, спросилъ я у шедшаго со мной,—бываетъ ли онъ въ церкви?

— Бываетъ, больше у ранней, а то и къ поздней придетъ, какъ когда вздумается, а становится онъ все у Маріи Египетской—на мѣстахъ, къ самому окну...

— Почему же мнѣ его узнать, какой онъ изъ себя бываетъ?

— Очень просто узнать его: ходитъ въ мантии, наматывъ ее на руку, чтобы не запутаться съ костылькомъ, больше безъ камлавки, въ ваточной шапочкѣ; въ церкви снимаетъ и стоитъ или такъ, или зеленый козырекъ надѣваетъ; глазами нездоровъ и оттого плохо видитъ; говорятъ: рѣсницы внутри у него растутъ, и онъ ихъ щипчиками выщипываетъ... Да что же это вамъ его такъ захотѣлось видѣть? А то вотъ что: вы бы къ нему когда въ келлію сходили; онъ ласковъ, приметъ хорошо, вамъ радъ будетъ...

— Охъ шѣтъ, шѣтъ; зачѣмъ это, сказалъ я, съ чѣмъ я пойду къ нему, совѣстно безъ нужды старца тревожить.

— Ничего, радъ будетъ, уговаривалъ меня мой скитскій собратъ,—онъ поговорить любитъ, можетъ вамъ что и скажетъ, прибавилъ онъ, помолчать,—говорятъ: иногда скажетъ, и сбывается...

Это меня еще болѣе заняло.

— Такъ онъ, стало быть, прозорливецъ? спросилъ я.

— Ну, про это не знаю, какъ сказать, это одинъ только Господь знаетъ; а только говорятъ, что онъ угадываетъ будущность.

На этомъ нашъ разговоръ окончился. Я не считалъ за нужное спрашивать еще болѣе; да, кажется, мой собесѣдникъ высказалъ мнѣ все, что зналъ, и сказать еще что-нибудь не могъ бы. То, что я слышалъ, возбудило мое

любопытство, и я положилъ себѣ, при первой возможности, непременно удовлетворить оное. Прошло еще сколько-то послѣ того времени, недѣля-двѣ,—не припомню; случилось мнѣ быть въ монастырѣ, въ теплой Успенской церкви, только аркой отдѣленной отъ придѣла Маріи Египетской, кажется, ежели я не ошибаюсь, у вечерни. Тамъ, гдѣ я обыкновенно становился съ прочими послушниками, налѣво, вошедши въ дверь, стояло много; мнѣ хотѣли было уступить мѣсто, но я поспѣшилъ пройти далѣе, налѣво въ придѣлъ Маріи Египетской и сталъ возлѣ печи спиной къ двери въ ризницу. Помолившись, я сдѣлалъ обычные два поклона направо и налѣво и тутъ увидѣлъ у окна налѣво стоявшаго старца, котораго, по описанію примѣтъ, я призналъ за о. Іова. Я вскользь еще взглянулъ, налѣво въ уголь: вправо отъ о. Іова стоялъ о. Паисій, братскій духовникъ, и еще кто-то изъ іеромонаховъ; но чтобы не соблазнять другихъ, что я по сторонамъ гляжу и чтобы и самому не развлекаться, я рѣшилъ въ ту сторону болѣе не оборачиваться и, дождавшись конца богослуженія, подойти къ о. Паисію, а потомъ и къ о. Іову. Тогда, думаю, и рассмотрю его лицомъ къ лицу. По окончаніи службы я подошелъ къ духовнику, принялъ отъ него благословеніе, а потомъ, подойдя и къ о. Іову, сказалъ ему:

— Благословите, батюшка, вы меня еще не знаете, я здѣсь вновѣ, послушникъ такой-то, и назвалъ ему себя.

— А, такъ вы вотъ какой бываете, брате; по отчеству-то какъ? спросилъ онъ, благословляя меня.

И при этомъ самъ сталъ спиной къ окну, а меня старался поставить лицомъ къ свѣту.

— Какое тутъ отчество, сказалъ я,—развѣ въ монастырѣ слѣдуетъ звать по отчеству, это мірской обычай, который въ монастырь вносить не слѣдуетъ; *брате* такой-то, вотъ вамъ и отчество.

— Правда, правда, въ одинъ голосъ подтвердили мои слова о. Іовъ и Паисій.

Я старался разомъ обнять однимъ взглядомъ о. Іова. Онъ былъ роста средняго, на видъ лѣтъ шестидесяти, что ему и въ дѣйствительности было; камилавки на немъ не было, не было и зеленого зонтика, волосы темно-русые и борода такая же и очень мало сѣдины; но на головѣ значительная лысина; глаза мутные, слезящіеся, съ покраснѣвшими кругомъ и болящими вѣками; голосъ пріятный, довольно мягкій. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ простыя черныя шерстяныя четки и теребилъ правою рукой; на окнѣ лежала его большая илисовая стариковская скуфья съ околышемъ. Во всей его внѣшности я не нашелъ ничего выдающагося или поражающаго: ни особаго отпечатка смиренія, ни созерцательности, ни малѣйшаго проблеска вдохновенія или восторженности: словомъ, онъ былъ на видъ *добрый и простой старецъ*. Такимъ онъ въ дѣйствительности и былъ. Я съ первой встрѣчи почувствовалъ къ нему расположеніе и съ тѣхъ поръ всегда, встрѣчая гдѣ-нибудь, принималъ отъ него благословеніе; ежели это было на монастырѣ или близъ лѣстницы, помогалъ ему идти, восходить или спускаться, перекидывался съ нимъ нѣсколькими словами, но не напрашивался къ нему въ келлію и не старался съ нимъ особенно сближаться. Наслушавшись, что есть въ Москвѣ два сомнительныхъ прозорливца, одинъ въ Златоустовскомъ монастырѣ (у котораго я однажды и былъ), а другой въ Даниловѣ монастырѣ, про котораго я только слышалъ, я, признаюсь чистосердечно, съ осторожностью вглядывался въ старца Іова, опасаясь или слишкомъ скоро увлечься, или тотчасъ разочароваться. «Поживу, увижу; само собой время покажетъ, что онъ за человекъ». Прошло болѣе двухъ лѣтъ моего обитанія на Угрѣшѣ, я ни разу не былъ у него въ келліи и не приходилось мнѣ съ нимъ небесѣдовать подольше. «Благословите, батюшка, какъ ваше здоровье?»—только тѣмъ и ограничивался нашъ съ нимъ разговоръ.

Пока былъ монастырскимъ казначеемъ о. Нилъ, о. Іовъ жилъ мирно, и ежели они не были особенно близки или

другъ къ другу расположены, то но крайней мѣрѣ о. Нилъ, не отличавшійся въ то время ни привѣтливостью, ни общительностью, не тѣшилъ убогаго старца; но въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по указанію архимандрита Пимена, владыка московскій митрополитъ Иннокентій назначилъ его быть строителемъ Берлюковской пустыни, а въ октябрѣ мѣсяцѣ самъ архимандритъ его туда отвезъ, и на его мѣсто временно исправляющимъ должность казначея былъ назначенъ ризничій іеромонахъ Каллистъ.... Вотъ тутъ-то и начались скорби для бѣднаго и болящаго старца Іова. О. Каллистъ былъ въ то время лѣтъ сорока четырехъ или пяти, видный и красивый мужчина, не очень высокаго роста, но довольно полный, ловкій и далеко не безкорыстный. Не могу сказать, какой мѣстности былъ онъ уроженецъ, но знаю, что полагалъ онъ начало въ Борковской пустыни, Владимірской епархіи, около 1854 или 55 года и, пробывъ тамъ два-три года, перешелъ на Угрѣшу въ 1857 году, гдѣ былъ постриженъ въ 1860 году, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того посвященъ во іеродіакона. Въ 1863 году онъ снова пожелалъ возвратиться во Владимірскую епархію, поступилъ въ архіерейскій домъ при бывшемъ тогда епископѣ Іустинѣ *), въ скоромъ времени сдѣланъ его экономомъ, рукоположенъ въ іеромонаха и награжденъ набадренникомъ. Не на радость себѣ и не на пользу для молодаго монаха постѣпшилъ преосвященный такъ быстро возвысить и наградить о. Каллиста, ибо вскорѣ такія оказались по его милости въ архіерейскомъ домѣ злоупотребленія, что ему пришлось съ небольшимъ черезъ годъ—возвратиться на Угрѣшу, и бывши экономомъ архіерейскаго дома, быть снова просто череднымъ іеромонахомъ, пока

*) Іустинъ Михайловъ, 1823 г. магистръ кiev. ак., 1826—1841 ректоръ кievск. и червнг. семина.; 1841—еп. випницкій, 1842—еп. старорусскій; 1842—1845—викар. ревельскій; 1845—1850—еп. костромской; 1850—1863—еп. владимірскій; по прошенію уволенъ на покой въ Боголюбовъ монастырь; тамъ пребывалъ около десяти лѣтъ и тамъ скончался и погребенъ.

ему не удалось опять всплыть кверху и сдѣлаться сперва ризничимъ, а послѣ и казначеемъ. Онъ былъ человекъ не совсѣмъ одобрителный, и странно, что о. архимандритъ Пименъ при всемъ своемъ умѣ дѣлалъ подобныя промахи и избиралъ себѣ таковыхъ людей въ ризничіе и казначей.

VI.

Въ числѣ братіи нашего Угрѣшско-Петро-Павловскаго *) скита былъ одинъ рясофорный монахъ, съ которымъ кромѣ церкви мы еще ежедневно видались, посѣщая другъ друга: то я у него пилъ чай послѣ литургій, то онъ ко мнѣ прихаживалъ вечеромъ, чтобы попить со мной чаю, а то и просто такъ посидѣть и поговорить. Онъ бывалъ ежедневно въ монастырѣ и потому все зналъ, что тамъ дѣлается, и если что бывало новенькое, зайдетъ ко мнѣ на возвратномъ пути и расскажетъ, что слышалъ, или что слу-

*) Петро-Павловскій скитъ при Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ (съ которымъ онъ смеженъ, будучи отдѣленъ отъ монастыря толькою оградой внутри общей монастырской ограды), былъ основанъ по желанію Петра Ивановича Куманина, положившаго особый значительный капиталъ на содержаніе скита и въ ономъ 24 братій. Церковь деревянная и всѣ постройки деревянные возведены на счетъ Куманина. При моемъ поступленіи на Угрѣшу (не въ монастырь, но въ скитъ, въ которомъ я и провелъ тринадцать лѣтъ съ 1867 г. по 1880 г., пока былъ живъ о. архим. Пименъ) скитъ былъ въ цвѣтущемъ положеніи. О. архимандритъ занимался скитомъ, гдѣ имѣлъ свою келлію, и въ этой-то келліи не разъ обществовалъ покойный митрополитъ Филаретъ и всегда пребывалъ преосвященный Леонидъ, когда гащивалъ на Угрѣшѣ, пока еще не былъ выстроенъ архіерейскій домъ. Въ скиту былъ свой особый старецъ (зависѣвшій, конечно, отъ настоятеля угрѣшскаго), совершалось ежедневно служеніе утрени и вечерни и четыре раза въ недѣлю литургія въ 7 час. утра. Была своя особая трапеза, и въ скитъ допускаемы были къ богослуженію женщины только три раза въ годъ: 26 мая въ день кончины храмоздателя Куманина (погребеннаго въ склепѣ подъ церковью), въ день храмова праздника 29 іюня, и 16 января въ день празднованія положенія веригъ св. апостола Петра, и этотъ порядокъ соблюдался, пока былъ въ живыхъ о. архимандритъ Пименъ.

чилось. Вотъ однажды вечеромъ, во время великой четырехдесятиницы (1871 года) въ скоромъ времени послѣ того, какъ о. Каллиста назначили исправлять казначейскую должность, приходитъ онъ ко мнѣ въ большемъ смущеніи и рассказываетъ:

— Былъ я въ монастырѣ, и вотъ что слышалъ: говорятъ, о. Іова переводятъ въ богодѣльню; казначей на него наябедничалъ, архимандритъ разсердился, велѣлъ вывести его изъ келліи, все, что у него изъ имущества лишнее, переносить въ рухлядную.., и такая тамъ идетъ суматоха, что и Боже мой; а казначей и радъ этому, хватаетъ и тащить къ себѣ, что ни попало, на сбереженіе, а тамъ, гляди, и зажилить,—этого только ему и нужно было.

— Да, вотъ что, отче, правда ли еще это, и за что такая немилость? сказалъ я, не вполне довѣря слышанному.

— За что прогнѣвался о. архимандритъ, этого я не знаю; слышалъ только, сказывали, казначей наябедничалъ; а что правда, то правда: самъ видѣлъ, какъ въ рухлядную его вещи таскаютъ.

Я нѣсколько смутился этимъ; жаль мнѣ старика было, но не совсѣмъ вѣрилось мнѣ, потому что я зналъ, что передававшій мнѣ это прискорбное происшествіе иногда преувеличивалъ имъ слышанное, и выходило иногда то же да не то... На слѣдующее утро пошелъ я въ монастырь, придумалъ что-то попросить въ рухлядной и по пути зашелъ въ богодѣльню, навѣстить отца Іова, ежели онъ точно тамъ.

Угрѣшская богодѣльня, устроенная сперва Александровымъ, потомъ увеличенная насчетъ Куманина, который положилъ и капиталъ на содержаніе двадцати пяти человекъ, увеличивавшаяся потомъ и другими вкладами, такъ что призрѣваемыхъ должно быть до пятидесяти человекъ изъ разныхъ званій, помѣщается въ двухъ палатахъ вверху и внизу, гдѣ и трапеза для призрѣваемыхъ. Пища довольно хорошая, но несравненно скуднѣе, чѣмъ братская, ко-

торая при отцѣ Пименѣ была весьма хороша; но главное неудобство богодѣльни состоитъ въ томъ, что всѣ призываемые живутъ вмѣстѣ; что можетъ быть нестерпимо для старцевъ изъ простаго званія, для монаха же и, въ особенности для почтеннаго старца и притомъ іеромонаха, привыкшаго имѣть свою собственную, отдѣльную келлію, это—великое лишеніе и чувствительное наказаніе, которому можно подвергать только за какую-нибудь весьма важную провинность.

Первый, кого я увидалъ, вошедши въ богодѣльню, былъ самъ о. Іовъ, въ подрясникѣ и въ зонтикѣ; онъ ходилъ взадъ и впередъ по палатѣ веселый и спокойный и пѣлъ вполголоса какой-то тропарь или ирмосъ.

— Здравствуйте, батюшка, сказалъ я ему,—благословите.

— Что вы, ко мнѣ что ли? Услышали, что я на новосельи? весело сказалъ онъ мнѣ;—да, вотъ и перевели; мнѣ и здѣсь хорошо. «Слава Господу о всемъ,.. вся земля Господня и исполненіе ея».

Я не признался ему, что пришелъ навѣстить его, а сказалъ, что пришелъ къ кому-то изъ старцевъ; къ нѣкоторымъ я точено иногда заходилъ. Я подивился благодушію о. Іова и получилъ духовную пользу, видя его спокойствіе духа и покорность волѣ настоятеля. Я узналъ потомъ, что казначей нажаловался на него о. архимандриту, что къ нему много всякаго народу ходить и что у него бываютъ безпорядки въ келліи, чего вовсе и не было, а просто у казначея глаза разгорѣлись на ширмы, да на коверъ и на часы, которые были у старца, и которые онъ, помнится, торговалъ, а старецъ не уступилъ. «Не хочешь продать, такъ и такъ возьму», сказалъ онъ ему... Изъ-за этого-то и поднялъ онъ цѣлую бурю.

Въ такомъ томительномъ положеніи находился о. Іовъ нѣсколько мѣсяцевъ, и былъ спокоенъ, веселъ и благодушенъ, какъ и всегда должно бы быть, когда человѣкъ сознаетъ, что онъ безвинно претерпѣваетъ скорби.

Говорить о. Пимену про старца Іова вскорѣ послѣ постигшаго его искушенія было невозможно, ибо, не принося никакой пользы старцу, старающійся оправдать его навлекъ бы на себя гнѣвъ раздраженнаго настоятеля и подвергся бы тоже быть можетъ какому-нибудь искушенію. Нужно было дать мѣсто гнѣву и выждать, чтобы раздраженіе, не поддерживаемое и не подстрекаемое постороннимъ противорѣчіемъ, само собой ослабѣло и улеглось; тогда и можно было начать мало-по-малу раскрывать глаза человѣку доброму и умному; но вслѣдствіе недостатка благовоспитанности не умѣвшему владѣть собой. Кто сослужилъ эту службу и помогъ о. Іову выйти изъ бѣды, то-есть изъ богодѣльни, я теперь не могу припомнить, да это и совершенно безразлично; но главное въ томъ, что открыли глаза архимандриту и доказали ему, что его обманули, а бѣднаго старца оболгали. Тогда весь гнѣвъ его обратился на главнаго виновника—казначей: онъ призывалъ его, вымылъ ему голову на славу и строго велѣлъ ему возвратить о. Іову все до послѣдней нитки, что имъ было у него взято и что онъ думалъ пріобрѣсти въ собственность. Казначей, весьма горячій характеромъ и не безкорыстный пытѣль, горячился и кричалъ, вышедши отъ архимандрита, и ругалъ его на чемъ свѣтъ стоитъ; но какъ онъ ни храбрился, а пришлось ему возвратить все, что было несправедливо захвачено.

Долго оставлять въ богодѣльнѣ о. Іова было невозможно, ибо его и тамъ посѣщали парочно для него пріѣзжавшіе изъ Москвы посѣтители, которые, видя положеніе старца, легко могли соблазниться на его печальную обстановку и осудить архимандрита и вообще монашество, что не умѣютъ цѣнить подобнаго старца и оставляютъ его томиться въ такомъ униженіи. Все это можетъ быть и пришло о. Пимену въ голову, почему онъ рѣшилъ вывести о. Іова изъ богодѣльни; но чтобы не слишкомъ бросалось въ глаза, что архимандритъ сдѣлалъ промахъ, -- подъ предлогомъ болѣзни, старости и слѣпоты старца, выведши

изъ богодѣльни, не водворили снова въ его келіи, а перевели въ больницѣ, гдѣ была отдѣльная келія прямо изъ корридора, въ которой ему удобнѣе было принимать приходившихъ къ нему, и гдѣ кромѣ того онъ былъ еще и подъ наблюдениемъ смотрителя больницы.

Но слишкомъ жалѣть о томъ, что о. Іовъ потерпѣлъ скорбь, пѣтъ причины, ибо скорбь, когда человѣкъ переноситъ оную кротко и благодушно, смиряя его, приноситъ ему самому душевную пользу и кромѣ того служитъ къ назиданію другихъ. О. архимандритъ и самъ, сознавъ свою не слишкомъ похвальную успѣшность и излишнюю, слѣдную довѣренность къ человѣку весьма недобросовѣстному, не разъ послѣ того съ похвалой отзывался о старцѣ Іовѣ, который не только не поропталъ на несправедливость въ отношеніи къ нему настоятеля и не поскорбѣлъ на своекорыстную клевету казначея; онъ какъ будто и не почувствовалъ, какъ съ нимъ круто поступили, былъ веселъ, спокоенъ и ни разу не вырвалось у него ни слова, ни намекъ о томъ, что было, какъ будто такъ тому быть и слѣдовало и даже иначе и быть не могло. Это дѣйствительно была великая добродѣтель благодушнаго старца—умѣть и въ угнетеніи и уничиженіи сохранить спокойствіе духа, ибо много нужно человѣку бороться съ самимъ собою, чтобы достигнуть подобнаго состоянія беззлобія и безпечалія, которое несравненно выше дара прозорливства, такъ какъ этотъ свыше пріемлемый даръ не уничтожаетъ человѣка въ глазахъ другихъ, ни въ его собственномъ мнѣніи и можетъ принести ему великій душевный вредъ, ежели человѣкъ не остережется отъ самопѣнія, и не оградитъ себя смиреніемъ, и не изощритъ своего взора духовнаго посредствомъ постояннаго самоукоренія, возпымѣтъ надменный помысль, что даръ прозрѣнія духовнаго дарованъ ему не по благодати, а по его заслугамъ.

Сознавалъ ли даже о. Іовъ, что то, что онъ говоритъ другимъ въ видѣ совѣтовъ, наставленій и предостереженій, было проявленіемъ его прозорливства, опредѣлить трудно,

ибо ни изъ чего нельзя было заключить, чтобы онъ считалъ себя прозорливцемъ, между тѣмъ какъ извѣстно было, что многос, сказанное имъ, сбывалось, и молва о немъ все болѣе распространялась въ Москвѣ, такъ что въ послѣдніе годы его жизни число посѣщавшихъ его ради пользы душевной было весьма значительно.

Замѣчательна была еще другая его добродѣтель—это нестяжательность и безкорыстіе. Приходившіе къ нему по своему усердію, обыкновенно, приносили ему разные гостинцы, кто что желалъ и что могъ, и старецъ все принималъ, чтобы не оскорбить усердствующихъ; но кто и что приносили ему, онъ не всегда зналъ, и очень часто, прежде даже чѣмъ ему становилось извѣстно, что ему принесено, многія изъ принесенныхъ ему вещей безъ его спросу попадали въ чужія руки, напримѣръ, кульки съ хлѣбами, варенье, икра, лимоны и т. п. Не всѣ изъ окружавшихъ его радѣтелей были безкорыстны.—Ему иногда привозили ткани на ряски и подрясники, но и это мгновенно исчезало, если онъ не догадается; а то и завѣдомо у него многого не оказывалось: «Гдѣ же, вотъ тутъ у меня были лимоны, спрашивалъ онъ,—искалъ и не нашелъ, ни одного мнѣ не оставили». Или: «кто взялъ у меня банку съ вареньемъ, кто унесъ сукно, что мнѣ на ряску привезли»?—«Должно быть, отвѣчали ему не взяли ли такіе-то братія, они давеча къ вамъ приходили и отъ васъ что-то унесли».—«Ну, Богъ съ ними, не сказывайте, а то архимандритъ пожалуй узнаетъ, и приставитъ еще кого за мной присматривать». Ему присылали и деньги, которыхъ часто онъ вовсе не получалъ; а иногда ему давали какую-нибудь частицу изъ присланнаго, вмѣсто 25 или 50 р., какихъ-нибудь 5, 10 р. «Ну хорошо, что мнѣ и это оставили». Однажды онъ сталъ упрекать одного изъ приближенныхъ къ нему, что тотъ безъ спроса взялъ какую-то хорошую ткань, присланную для рясы: «Зачѣмъ ты взялъ, не сказавши мнѣ? попросилъ бы у меня и самъ бы тебѣ отдалъ». Словомъ, его кругомъ обирали; онъ это зналъ, ви-

дѣлъ и молчалъ, и только развѣ рѣдко-рѣдко когда слегка замѣтитъ: «Все растащили, ничего мнѣ не оставили!» Но говоря это, онъ не сердился и не досадовалъ, а говорилъ это для того, чтобы знали, что онъ видитъ или догадывается.

Къ одному изъ окружавшихъ его радѣтелей онъ имѣлъ болѣе расположенія нежели къ другимъ и не разъ бывало, что получить отъ кого-нибудь деньги, которыя намѣревался послать въ какую-нибудь бѣдную церковь или еще куда, онъ ему говорилъ: «ты смотри не сказывай (такому-то, называя его), что мнѣ присланы деньги, а то какъ разъ у меня ихъ выманить или стащить, а я хочу послать ихъ вотъ туда-то». Получая въ изобиліи всего отъ своихъ духовныхъ чадъ и посѣтителей, онъ иногда терпѣлъ во многомъ недостатокъ.

Когда освободилась большая и хорошая келлія, въ которой жилъ о. Каллистъ, поступившій строителемъ въ Бобреневъ коломенскій монастырь, а преемникъ его казначей Мелетій отпросился на жительство въ скитъ, гдѣ онъ полагалъ начало, то о. архимандритъ Пименъ самъ вздумалъ перевести въ эту келлію о. Іова и далъ ему особаго келейника, и въ этой келліи старецъ и жилъ до своей кончины.

VII.

О. Іовъ отпрашивался иногда изъ монастыря въ Москву и, посѣщая своихъ духовныхъ чадъ, гостилъ у нихъ по нѣскольку дней. Однажды отлучался на довольно продолжительное время, ѣздивъ въ Оптину пустынь, и тамъ, говорятъ, былъ тайно постриженъ въ схиму подъ прежнимъ своимъ именемъ Іосифа; но такъ какъ постриженіе это было тайнымъ, то старецъ не носилъ видимо схимы, а только подъ мантией имѣлъ аналавъ. О. архимандритъ предлагалъ ему представить его къ схимѣ, дабы онъ могъ послѣ того и видимо носить схимническія одежды, но онъ

не пожелалъ этого, почитая можетъ быть нѣкотораго рода тщеславіемъ ношеніе схимонашескаго одѣянія, или опасаясь, чтобы не увеличилось еще число приходящихъ къ нему, и безъ того не рѣдко стужавшихъ ему до того, что отъ усталости и утомленія онъ былъ уже не въ силахъ и говорить.

По худости своего зрѣнія онъ давно уже не правилъ череды и я никогда не видалъ его при совершеніи литургіи, какъ только въ день св. Пасхи, когда соборніѣ съ архимандритомъ служили всѣ іеромонахи безъ исключенія, и тогда молитвы, читаемыя іереемъ во время литургіи, о. Іовъ читалъ по особой книжкѣ, писанной весьма крупными буквами. Онъ часто пріобщался святыхъ таинъ за раннею литургіей и изъ осторожности онъ не принималъ тѣла Христова самъ, но просилъ служащаго, чтобы тотъ ему пріеподалъ; равно и святую чашу онъ въ руки не бралъ, а причащался какъ діаконъ. Когда онъ бывалъ въ здоровомъ состояніи, то всегда бывалъ у литургіи ранней или поздней, какъ ему было свободнѣе, и у вечерни, ежели его не задерживали пришедшіе къ нему и по нѣсколькимъ часамъ толпившіеся у крыльца богомольцы; а когда онъ пріобщался, то выстаивалъ и полунощницу съ утреней, продолжающіяся около трехъ часовъ, или всенощную подъ воскресные и праздничные дни, продолжающуюся болѣе четырехъ часовъ, безъ особаго отягощенія и утомленія. Стоя въ церкви, онъ былъ всегда съ четками въ рукахъ, которыя перебиралъ весьма быстро, такъ что казалось, что онъ какъ будто вертитъ ихъ.

Не будучи съ нимъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ, я отъ времени до времени бывалъ у него въ келліи и не разъ просилъ у него совѣтовъ и наставленій, которые въ простотѣ сердечной и преподавалъ мнѣ къ немалому моему утѣшенію. Онъ имѣлъ вообще, какъ я отъ многихъ слышалъ, особенный даръ немногими словами успокаивать находившихся въ смущеніи и къ нему приходившихъ, чтобы слышать слово на пользу.

О. Іовъ получалъ много писемъ отъ своихъ духовныхъ чадъ и отъ роднаго своего младшаго брата, послѣдовавшаго его примѣру и вступившаго также въ монашество *), и отъ другихъ родственниковъ. Будучи не въ состояніи самъ писать отвѣты на получаемыя имъ письма, которыя не всегда и читать могъ, о. Іовъ обыкновенно прибѣгалъ къ чьей-нибудь помощи; но если его письма были написаны не его рукой, то были тѣмъ не менѣе проникнуты его духомъ, ибо онъ ихъ диктовалъ, и носятъ на себѣ отпечатокъ его монашескаго смиренія и простоты. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, писанныя имъ къ брату за годъ до кончины, а послѣднее за двѣ недѣли.

*) Братъ о. Іова, въ мірѣ Лука, почти 8-ю годами младшій своего старшаго брата, по его ходатайству помѣщенный въ Ливнахъ въ лавку къ Митрофановымъ въ 1831 году, находился у нихъ 9 лѣтъ, а послѣ того жилъ лѣтъ около 5 у другаго хозяина по имени Махова и въ 1844 году поступилъ послушникомъ въ Святогорскій монастырь, только что возстановленный Потемкинымъ Александромъ Михайловичемъ. Тамъ былъ въ то время настоятелемъ игуменъ Арсеній (въ міру Алексѣй Яковлевичъ Митрофановъ, ливенскій купецъ). Черезъ годъ — въ 1845 г. послушникъ Лука былъ постриженъ въ рясофоръ и названъ Логгиномъ, а въ 1849—въ маятію подъ именемъ *Леонтія*. Въ 1850 году въ февралѣ посвященъ во іеродіакона и въ апрѣлѣ во іеромонаха преосвященнымъ Филаретомъ харьковскимъ (въ послѣдствіи черниговскимъ) и черезъ два года послѣ того (1852) сдѣланъ казначеемъ; въ 1865 году награжденъ наперснымъ золотымъ крестомъ. Съ 1875 года уволенный, по его желанію, отъ должности казначея, и по 1880 годъ онъ былъ просто очереднымъ іеромонахомъ. Въ 1880 году въ декабрѣ мѣсяцѣ былъ представленъ преосвященнымъ Іустиномъ въ игумена Свято-Троицкаго Ахтырскаго монастыря, въ которомъ настоятельствуетъ и понынѣ. Благодаря обязательности о. игумена Леонтія, мы имѣемъ подробности о дѣтствѣ и юности о. Іова, которыми мы и воспользовались при составленіи сего краткаго жизнеописанія. Имъ же сообщены намъ и нѣкоторыя изъ послѣднихъ писемъ о. Іова, которыя и приводимъ здѣсь въ дополненіе къ написанному нами.

Любезный братецъ! извини меня, что я долго не отвѣчалъ на твое пріятное письмо и прошу тебя не принять въ худую сторону моего молчанія. Письмо твое получено мною 27-го декабря, а я посылаю (отвѣтъ) только въ январѣ уже новаго года. Пусть это письмо будетъ посвящено изліянію тѣхъ чувствъ, которыя преисполнили мое сердце. Могу ли оставаться безмолвнымъ при всеобщей радости всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ счастье знать тебя лично? Поздравляю тебя и я, и отцы: В—нъ, Ир—й, Ил—й, Вл—ръ и Ѳ—й. Поздравляемъ съ возведеніемъ на высокую степень (новаго) достоинства. Ты долженъ теперь почитать сіе благополучіемъ болѣе тѣхъ, которые имѣютъ счастье быть подъ твоимъ начальствомъ и паствою, нежели считать собственнымъ своимъ удовольствіемъ. Да, любезный (братъ), это правда. Вспомни, сколько новыхъ трудовъ предстоитъ тебѣ съ полученіемъ новаго достоинства. А что это тебя страшитъ (пишешь ты, то скажу тебѣ) у тебя есть Помощница, только прибѣгай къ Ней почаще, Она вашъ Покровъ и Утѣшеніе. Начальница вашей обители—сама Царица небесная. Остается при этомъ только пожелать тебѣ благополучной и долгой жизни, всѣ дни и лѣта которой ты такъ ревностно посвящаешь на службу Церкви и обществу братства. Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь твой сомолитвенникъ и братъ І. Іовъ.

Всѣ братія Угрѣшскаго монастыря просятъ твоихъ святыхъ молитвъ. Января, 1881 года.

Христосъ воскресъ! Ваше Высокопреподобіе, любезнѣйшій братецъ, о. игуменъ! Поздравляю васъ съ великимъ праздникомъ Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа. Отъ всей души желаю вамъ радоваться о Господѣ и препроводить праздникъ въ мирѣ и любви братской и въ добромъ здравіи.

Я, по неизреченному милосердію воскресшаго Господа, пока живъ, но здоровье мое день ото дня слабѣетъ. Хожу въ церковь почти всегда; молюсь о себѣ и о васъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ. Въ воскресные и праздничные дни причащаюсь святыхъ и божественныхъ Христовыхъ таинъ, что мнѣ доставляетъ великое утѣшеніе и отраду. Желаю вамъ благоденственнаго житія, здравія, спасенія и во всемъ благого поспѣшенія. Братія наши, васъ знающіе, васъ поздравляютъ съ праздникомъ. Искрен-

но любящій васъ братъ, всегдашній богомолецъ твой, іеромонахъ Іовъ. 1881, апр. 12 дня.

Любезный братецъ Леонтій, о. игумень! Письмо твое я получилъ, когда только что думалъ писать къ тебѣ, это (сегодня) 23 числа въ пятницу, и сейчасъ же и попросилъ написать. Благодарю тебя за увѣдомленіе, что ты здоровъ, и дай тебѣ Богъ и всегда быть здоровымъ и благополучно проводить время и вести дѣла служенія твоего на поприщѣ отца и начальника. О себѣ скажу, что съ сентября мѣсяца три недѣли былъ очень нездоровъ и не выхожу изъ келліи и доднесь; а въ настоящее время стало гораздо легче, и одно утѣшеніе и отрада для меня было, что пріобщался св. таинъ Христовыхъ два раза въ недѣлю; такъ пріобщаюсь и донинѣ. Прошу, помолись о мнѣ, а я о тебѣ всегда молюсь. У насъ три храмовыхъ праздника *), а я сижу и молюсь дома и припоминаю всѣхъ, и вмѣстѣ и тебя. О томъ, что ты пишешь *особенно* **), я очень радъ и подумаю. Всѣ знающіе тебя благодарятъ за память, свидѣтельствуютъ глубочайшее почтеніе и желаютъ тебѣ многого здравія. Прости, брате, благодарю за все; остаюсь многлюбящій тебя братъ, твой усердный богомолецъ І. Іовъ. 1881 г. октября 23 дня.

Любезный братецъ, о. Леонтій! Первымъ моимъ братскимъ долгомъ считаю поздравить съ высокаторжественнымъ праздникомъ Рождества Христова, и желаю встрѣтить въ радости новое лѣто и святое Богоявленіе, и да здравствуешь многая лѣта, и да поможетъ тебѣ Господь и Царица небесная во всемъ. Мое здоровье худо: чуть-чуть двигаюсь и то по келліи; пріобщаюсь часто не выходя изъ келліи; но сегодня, какъ пишу къ тебѣ, мнѣ легче. Напиши и ты, какъ твое здоровье. Прости, брате, помолись о мнѣ, не оставляй меня въ своихъ святыхъ

*) Въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ при богодѣльнѣ храмъ во имя Казанскія иконы Богоматери 22 окт., при больницѣ церковь во имя иконы Богоматери Утолиительницы печали 24 октября и въ (бывшей) братской трапезной палатѣ придѣлъ во имя св. мученицы Параскевы Пятницы 27 окт., и апостола и евангелиста Матеѳа 3 августа.

**) Кажется, онъ приглашалъ его къ себѣ въ обитель.

молитвахъ. Передаю тебѣ почтеніе всѣхъ братій, которые тебя знаютъ и просятъ молитвъ. Прости, брате, остаюсь сомолитвенникъ твой и братъ іеромонахъ Іовъ. 1881 г. декабря 26 дня.

Христосъ воскресъ! любезный братецъ, о. Леонтій. Спѣшу душевно поздравить тебя съ высокаторжественнымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Желая встрѣтить оный радостно и окончить въ добромъ здравіи, мирно и покойно. Я понемногу двигаюсь по келіи, въ церковь еще не выхожу; надѣюсь на милость Божию, что лѣтомъ буду ходить. Здоровьемъ хотя и поправляюсь, но еще не совсемъ. Тебѣ желаю, будь здоровъ на многія лѣта. Остаюсь сомолитвенникъ твой и многогрѣшный братъ твой іеромонахъ Іовъ.

Всѣ знающіе тебя папши отцы свидѣлствуютъ глубочайшее почтеніе и просятъ твоихъ святыхъ молитвъ. 1882 г. марта 24 дня.

Христосъ посреде насъ! любезный братецъ, о. Леонтій. Давно ни ты, ни я не писали (другъ другу); здоровъ ли напиши, прошу тебя. Я понемногу движусь, а силами изнемогаю и слабѣю, но надѣюсь на милость Божию и прошу твоихъ святыхъ молитвъ. Будь здоровъ на много лѣта. Братъ твой іер. Іовъ.

Еще напоминаю: къ тебѣ посланы деньги. Мои знакомые, которые и тебя знаютъ, были у меня и спрашиваютъ, получилъ ли ты деньги, такъ увѣдомъ о полученіи: *письмо получилъ и благодарю знакомыхъ за память*. Я буду знать и передамъ имъ благодарность отъ тебя и свою. Всѣ знающіе тебя не забываютъ и просятъ твоихъ молитвъ. 1882 г. августа 15.

Это письмо было послѣднимъ, которое блаженный старецъ писалъ къ своему брату предъ своею кончиною, послѣдовавшею черезъ двѣ недѣли послѣ того. Онъ мирно опочилъ о Господѣ 31 августа 1882 года.

VIII.

Передъ кончиной старца Іова меня привелъ Господь еще разъ съ нимъ повидаться. Это было 19 августа. Приѣхавъ на Угрѣшу ко дню кончины блаженныхъ памяти о. архимандрита Пимена 17 августа († 1880 г.), я провелъ весь слѣдующій день на Угрѣшѣ, а 19 числа поутру передъ отъѣздомъ пожелалъ повидаться съ о. Іовомъ, который былъ нездоровъ и изъ келліи не выходилъ. Пришедши къ нему, я хотѣлъ сотворить молитву, но его келейникъ (пожилой послушникъ изъ причетниковъ) остановилъ меня: «нельзя, батюшка, никого къ нему не пускаемъ, — нездоровъ». Это меня очень опечалило; я стоялъ въ раздумьи, не зная, что мнѣ дѣлать, уйти ли, или домогаться свиданья. Но покуда я думалъ, слышался изъ второй келліи голосъ старца, который спросилъ: «Кто тамъ?» Я ото-звался и сказалъ ему только: «Это я, мой родной!» — «А, это о. Пименъ. Войдите, войдите, я радъ васъ видѣть», и самъ мнѣ отворилъ свою дверь. Принявши отъ него благословеніе, я взглянулъ на него, и не нашелъ въ немъ большой перемѣны; не скажу даже, чтобы онъ и замѣтно похудѣлъ, и голосъ его былъ какъ обыкновенно. Онъ усадилъ меня рядомъ съ собой на свою койку, на которой сидѣлъ, и сталъ меня спрашивать о моихъ собственныхъ дѣлахъ, по поводу которыхъ я долженъ былъ съѣздить въ Петербургъ, откуда дня за три предъ тѣмъ вернулся. Онъ давалъ мнѣ совѣты и наставленія и потомъ сказалъ мнѣ:

— Да, слышалъ я, что васъ постригли, а съ новымъ именемъ Пимена и не поздравилъ еще... Ну, теперь надо посвящаться.

— Я 15 лѣтъ ожидалъ возможности быть постриженнымъ, такъ и желаю побольше быть просто монахомъ.

— Ну это, какъ Богъ дастъ.

И снова, возвращаясь къ моей поѣздкѣ въ Петербургъ, началъ меня убѣждать не отказываться, ежели мнѣ будетъ

предстоять поѣздка куда-нибудь въ отдаленное мѣсто, которое меня страшило:

— Съ Богомъ, съ Богомъ, вездѣ люди живутъ, а придется ѣхать и поѣзжайте.

Такъ посидѣвъ у него съ четверть часа, и опасаясь, какъ бы не утомить мнѣ старца, я сталъ съ нимъ прощаться и хотѣлъ принять отъ него благословеніе, но онъ вздумалъ цѣловаться со мнѣй рука въ руку; я не соглашался, но онъ настоялъ на своемъ.

— Я, батюшка, еще не іеромонахъ, и прошу меня благословить.

— Ну, все равно, скоро будете, и сами еще будете благословлять; помяните и меня грѣшнаго, можетъ и не увидимся.

— Богъ дастъ, поправитесь, вы меня не оставьте въ вашихъ святыхъ молитвахъ.

— Поминаю васъ, а вы меня помяните, грѣшнаго Іова.

Мы съ нимъ поцѣловались еще и простились. Я вышелъ отъ него съ какимъ-то грустнымъ предчувствіемъ, что я его уже болѣе не увижу.

Едва я вышелъ отъ него, какъ мнѣ попался на встрѣчу тотъ изъ братій, къ которому старецъ болѣе всѣхъ благоволилъ.

— Ну, что, старца видѣли? спросилъ онъ меня.

— Видѣлъ; не пускали, самъ меня узналъ по голосу и позвалъ къ себѣ.

— И хорошо, что повидались, слабъ становится... Ну, что онъ вамъ сказалъ?

Я рассказалъ, что было.

— Ну стало быть такъ и будетъ, онъ не даромъ вамъ это говорилъ, увидите!

И сталъ передавать мнѣ этотъ братъ о томъ, что въ концѣ іюля о. Іовъ ожидалъ къ себѣ одного ли своего племянника или двухъ, хорошенько не помню, и что въ тотъ день, когда имъ пріѣхать, старецъ съ утра былъ въ боль-

шомъ волненіи и нѣсколько разъ повторялъ: «Не хорошо будетъ, бѣда будетъ, ежели не послушаются меня—не пріѣдутъ... Ну, стало такъ Богу угодно».

Это было въ тотъ самый день, когда произошла страшная катастрофа на Курской желѣзной дорогѣ около Черни, гдѣ столько погибло пассажировъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того о. Іовъ получилъ печальное извѣстіе, что ожидаемые имъ племянникъ или племянники погибли съ прочими. «Вѣдь говорилъ я, чувствовалъ, что худо будетъ; пріѣзжай сюда, и этой бѣды не было бы. Вотъ что значить послушаніе; и что стоило однимъ днемъ пожертвовать, чтобы дядю старика повидать, и было бы все благополучно».

Послѣ моего свиданія съ о. Іовомъ, здоровье его съ каждымъ днемъ видимо слабѣло и онъ ежедневно пріобщался святыхъ таинъ. Августа 31-го ему предложили тоже пріобщиться и, видя, что онъ примѣтно слабѣетъ, и особороваться, но онъ не пожелалъ; однако по убѣжденіи отъ нѣкоторыхъ братій, онъ согласился и въ пять часовъ пополудни послалъ за духовникомъ; а когда пріобщился, то пожелалъ и особороваться и духовнику послѣ исповѣди открылъ, что онъ тайно постриженъ въ схиму съ прежнимъ именемъ Іосифа.

При соборованіи присутствовали очень много братій, пришелъ и игуменъ о. Нилъ. Увидѣвъ его, о. Іовъ сдѣлалъ ему знакъ, котораго тотъ сперва не понялъ, но ему объяснили, что болящій просить его подойти, и тогда подошедши къ нему, онъ простился съ нимъ, при чемъ о. Іовъ прослезился. Это было во время соборованья; и пока игуменъ не приходилъ еще, о. Іовъ держалъ свѣчу самъ; но отдавъ ее, онъ ее уже болѣе въ руку не бралъ и едва успѣли довершить соборованье, какъ старецъ сталъ отходить и, почти незамѣтно для присутствовавшихъ, отошелъ въ вѣчность, такъ что и послѣдняго его вздоха никто не слышалъ. Было 7 съ половиной часовъ пополудни. Одинъ изъ его почитателей прислалъ дубовый гробъ, незаметно сдѣ-

ланный, и skutавъ тѣло опочившаго во всѣ схимонаше-скія одежды великаго ангельскаго образа, въ гробъ оное положили, и поминали его и отпѣвали, какъ іеросхимонаха Іосифа.

Отпѣваніе и погребеніе совершилось сентября 4-го дня. Гробъ былъ вынесенъ во храмъ и поставленъ на катафалкѣ, покрытый бѣлымъ глазетовымъ покровомъ, а сверху золотымъ, присланнымъ духовною дочерью покойнаго старца. Съ вечера совершенно заупокойное всенощное бдѣніе, при полномъ освѣщеніи храма.

Въ день погребенія храмъ былъ полонъ народа, такъ что было даже тѣсно, и многіе горько оплакивали старца, котораго душевно уважали. Въ память его пожертвовали въ монастырь для соборнаго служенія прекрасныя облаченія и довольно цѣнныя: одинъ соборъ въ 1000 рублей, другой въ 700, и за могилу (на братскомъ кладбищѣ по правую сторону отъ дороги ведущей къ часовнѣ) духовная дочь старца Л. прислала 200 р. сер. По совершеніи погребенія была для братіи поминальная трапеза. По желанію нѣкоторыхъ чтилелей памяти блаженнаго старца была предложена подписка на памятникъ и собрана весьма значительная сумма, такъ что можно ожидать, что онъ будетъ великолѣпный, ежели на него употребится все то, что на него пожертвовано.

Иеромонахъ Пименъ.

1884, іюля 22 дня.

С.-Петербургъ.
